

ШВЕДСКИЙ ИНЦИДЕНТ: ЧТО ЭТО БЫЛО?

Денис Мельянцов

Резюме

Сотрудники шведского пиар-агентства Studio Total провели блестящую по медийному эффекту акцию, последствия которой мы сейчас наблюдаем во всей красе. Вряд ли таких последствий ожидали сами шведы, которые, вероятно, ставили прежде всего задачу дополнительной раскрутки своей фирмы (они как раз специализируются на неординарных и провокационных акциях), и уже потом - привлечения внимания к Беларуси. Чтобы узнать, откуда растут ноги этой другой задачи, достаточно зайти на соответствующую страницу агентства Studio Total. Но шведские пиарщики, не знакомые с нравами белорусского политического класса, скорее всего, не ожидали, что их, казалось бы, безвредная провокация повлечет за собой появление новых заложников в Беларуси на фоне дипломатического кризиса в белорусско-шведских отношениях.

Кому выгодно?

Если принять версию, что шведы руководствовались благородной целью привлечь внимание шведской и международной общественности к нарушениям прав человека в Беларуси, и оставить в стороне конспирологию, то следует признать, что акция с плюшевым десантом имела не так много позитивных достижений. Так, акция имела широкий резонанс, но в основном медиа рассказывают о смелых и креативных пилотах и арестах, вызванных действиями этих самых смелых и креативных пилотов. Это мало способствует распространению объективной информации о ситуации в Беларуси и дебатам о способствовании демократии в стране. Негативных последствий имеем намного больше:

- задержаны люди, абсолютно не причастные к акции;
- нанесен удар по имиджу белорусских пограничников (которые, кстати, до сих пор достаточно активно сотрудничали с соответствующими службами ЕС), военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны;
- наконец, инцидент безусловно послужил крайне отрицательным фоном для дипломатического кризиса (пока только на уровне двусторонних белорусско-шведских отношений).

Очевидно, что объективно заинтересованы в таком раскладе могут быть только силы, которые пытаются изолировать Беларусь от Запада и одновременно снизить статус Беларуси как военно-политического союзника России в глазах российского политического руководства и общественности.

Сама по себе провокация шведских пиарщиков имела бы успешный результат для заинтересованных лиц в любом случае: если бы самолет сбили - белорусское руководство обвинили бы в кровожадности и насилии над гражданскими лицами; в случае удачной миссии - имелся бы грандиозный пиар-эффект со всеми имиджевыми

приобретениями и потерями, описанными выше. Единственным негативным для организаторов результатом была бы принудительная посадка самолета и судебное разбирательство против нарушителей государственной границы. Почему последний сценарий не реализовался – об этом ниже.

Почему не долетел?

Ряд аналитиков (в частности, А. Суздальцев) поспешили опозорить белорусскую систему ПВО, заявив о ее неэффективности перед лицом реальной опасности. Мол, если она не способна отследить даже низкоскоростной гражданский самолет, то как на нее можно положиться в условиях реального военного вторжения? Эти соображения с готовностью были подхвачены белорусскими и зарубежными СМИ, а также политиками.

Однако нарушение шведским легкомоторным самолетом воздушного пространства Беларуси никак не может свидетельствовать о реальной боееспособности войск ПВО. В отличие от журналистов и политиков, профессионалам-военным понятно, что система ПВО предназначена прежде всего для защиты от вооруженных военных воздушных объектов, а не от одиночных гражданских спортивных самолетов. И поэтому перехват или уничтожение нарушителя осуществляется после определения его как опасной боевой цели. В мирное время радары системы ПВО настроены на отслеживание именно боевых целей на наиболее вероятных высотах, хотя по своим тактико-техническим характеристикам радары, которыми оснащены объекты белорусской ПВО, могут замечать также и такие объекты, как отмеченный шведский самолет, но ведение таких целей не есть их первичной задачей. Система ПВО может функционировать в режиме тотального сканирования пространства 24 часа 365 дней в год, но в мирное время это сверхрастрата ресурсов. Пожалуй, ни одна страна (разве за исключением Израиля) не имеет сплошного радиолокационного поля ниже 150-200 метров по всей территории страны. Поэтому "плюшевый десант" - это политическая провокация, направленная на пиар-эффект, а не на реальный тест боееспособности ПВО. Так ее и надо рассматривать.

Но это никак не отменяет факта провалов в работе Пограничного комитета и Министерства обороны, задача которых охранять границу от любых незаконных пересечений, даже если эти пересечения непосредственно не угрожают безопасности страны.

Рассмотрим несколько наиболее вероятные версии, почему шведскому самолету все же удалось долететь до Минска и вернуться обратно в Литву.

1. Самолет не был замечен системами слежения, соответственно, не было поднято дежурное звено для перехвата, а руководство узнало о нарушении границы из Интернета;
2. Самолет был замечен, информация пошла "наверх", но руководитель страны решил ничего не делать с нарушителями;
3. Самолет был замечен системой ПВО, но информация не была передана лицам, которые принимают решение о перехвате или ликвидации нарушителя.

Первая версия кажется весьма вероятной, поскольку объекты такого типа слабо заметны для радаров системы ПВО, настроенных на обнаружение целей другого типа

(о чем говорилось выше), и учитывая прежние инциденты с пересечением границы легкомоторного самолета (например, в 2006 году заблудившийся литовский самолет был замечен белорусским штурмовиком Су-25 чисто случайно при выполнении пролета вдоль границы; еще раньше, в 2003 году в Гродненской области был найден литовский легкомоторный самолет, потерпевший крушение на белорусской территории несколько месяцев назад, что не было замечено пограничниками и войсками ПВО). Но эта версия противоречит озвученными А. Лукашенко данными о том, что самолет был отслежен радаром, а также информации от самих шведов, что их вызвал диспетчер аэропорта над Минском. Таким образом, так или иначе, самолет был зафиксирован. Остается, однако, неясным, почему не были подняты перехватчики после того, как самолет был замечен башней аэропорта Минск-1 и не отвечал на запросы. В таких условиях диспетчеры должны связываться с военными для выяснения принадлежности воздушного объекта.

Вторую версию сразу можно отбросить, хотя она и является официальной. Этой версии противоречит первоначальное отрицание властями факта нарушения и скоропалительные кадровые последствия, как отражение разбора полетов внутри силовых ведомств и, соответственно, признания их вины. Версия также не стыкуется с логикой пропаганды: нарушение границы после праздничного парада и демонстрации военной мощи сразу разрушает весь пропагандистский эффект от мероприятия и выставляет военных в невыгодном свете. Наоборот, классикой жанра была бы принудительная посадка шведского самолета и громкий процесс над нарушителями. Трудно поверить, что в этом случае руководитель Беларуси руководствовался "принципами гуманности».

Таким образом, самой вероятной представляется третья версия, которая объясняет как попытки отрицать очевидные факты, так и быструю расправу над руководством Государственного пограничного комитета и войск ПВО. Почему же так случилось? Вполне вероятно, радаром был совершен автоматический захват и ведение цели, которая при этом была опознана как не боевая и не представляющая угрозы, поэтому, возможно, информация и пошла по цепочке наверх от дежурного, но учитывая "праздничный режим несения службы" и низкий уровень опасности, нужная информация не дошла до нужного звена (решение о связи с объектом-нарушителем и его принудительную посадку могут принимать и военнослужащие дежурных сил по противовоздушной обороне, а уж решение о применении оружия на поражение принимает министр обороны. Учитывая характер цели, вероятно, окончательное решение должно оставаться за президентом). Возможно также, что эта информация все же дошла до командующего ВВС и войсками ПВО, который, однако, не посчитал нужным доложить о ней министру и далее верховному главнокомандующему (а, возможно, просто побоялся последствий такого доклада).

Это подтверждают и слова Лукашенко, и факт того, что Похмелкин был снят, а Жадобин - нет. Скорость и значимость кадровых перестановок (не забываем, что глава ГПК И. Рачковский близок к старшему сыну президента) свидетельствует о том, что была допущена ошибка более значительная, чем неспособность ПВО засечь нарушителя границы. На самом деле был допущен сбой в государственной системе принятия решений, что повлекло за собой негативные политические последствия для всей страны. Иными словами, инцидент со шведским самолетом показывает, что вертикальная система принятия решений не срабатывает должным образом, и что глава государства, вероятно, не имеет всей полноты информации о том, что происходит в стране. При определенных обстоятельствах это может стать фатальным

для всей системы и ее руководителя. И именно отсюда такая иррациональная и несимметричная реакция в ответ.

Дипломатический конфликт со Швецией: нервная реакция Минска или несчастливое совпадение?

Судя по всему, "плюшевый десант" и отзыв послов - вещи между собой не связаны. Но медийный и политический эффекты от обоих событий взаимно усилили друг друга, что и привело к громкому скандалу.

Многие из белорусских наблюдателей высказались о том, что случай с послом Эриксоном - это попытка белорусского руководства осуществлять селекцию европейских послов в Беларуси, что недопустимо. Но следует помнить, что именно это и есть суверенное право принимающей страны, согласно Венской конвенции. Именно МИД принимающей страны выдает или не выдает агреман (согласие на принятие главы дипмиссии) на конкретного дипломата после рассмотрения соответствующей ноты МИДа присылающей страны. Ранее также существовала процедура, когда присылающая страна представляла принимающей стране нескольких дипломатов на выбор. Но теперь закрепилась практика, в соответствии с которой принимающая страна может не выдать агреман нежелательному дипломату (который, например, раньше пренебрежительно высказывался о принимающей стране), и посылается нота на другого дипломата. Это обычная практика в современном дипломатическом протоколе. И наоборот, противоречит ей то, что МИД присылающей страны пытается настаивать на аккредитации определенного конкретного дипломата, которого принимающая страна не хочет видеть в качестве главы миссии.

Почему Минск идет на обострение?

Во-первых, официальный Минск в этом дипломатическом скандале чувствует свою правоту и, надо признать, имеет на это основания.

Во-вторых, под шум скандала можно избавиться от вредного, по мнению Минска, шведского посольства, которое всегда было достаточно заметным в своем сотрудничестве с белорусским гражданским обществом. В этом контексте весьма уместным было то совпадение, что самолет-нарушитель был именно шведским. Это добавило государственной пропаганде аргументов и создало соответствующий информационный фон.

В-третьих, Минск не боится идти на открытый дипломатический конфликт, ибо знает, каким образом и когда его можно остановить. Даже если к конфликту подключатся и другие посольства ЕС. Дипломатический кризис весны этого года многому научил: страны-члены ЕС сами не заинтересованы держать своих послов вне Беларуси; можно отпустить нескольких политзаключенных, и все вернется к прежнему положению вещей (благо, таких заключенных сейчас достаточно); политические конфликты с ЕС не приводят к ощутимым экономическим последствиям.

В-четвертых, после прошлых президентских выборов и особенно после дипломатического кризиса этой весны Минск уже не напугаешь ухудшением имиджа. Ему уже практически некуда ухушаться.

И последнее: белорусское руководство продолжает чувствовать за собой экономическую и внешнеполитическую поддержку Москвы, что позволяет ему вести себя намного свободнее, чем было возможно несколько лет назад.

Некоторые выводы

1. Инцидент с полетом шведского самолета над Беларусью следует рассматривать не как тест боеспособности белорусской системы противовоздушной обороны, а скорее как политическую провокацию, которая получилась и продемонстрировала алгоритм поведения белорусского руководства в таких случаях.
2. Есть основания полагать, что реакция руководства Беларуси на акцию шведских пиарщиков обусловлена не самим фактом их беспрепятственного пролета, но сбоями в системе принятия решений в руководстве Беларуси, а уж потом нарушением границы и резонансом в белорусских и международных СМИ.
3. "Плюшевый десант" пока имел для страны больше негативных последствий, чем позитивных. И выгоден он был прежде сторонникам международной изоляции Беларуси. Сценарии провокации иностранных спецслужб я здесь намеренно не рассматривал, руководствуясь заветами господина Оккама.
4. Минск готов идти на эскалацию дипломатического конфликта, понимая, что может его контролировать, чувствуя за спиной поддержку России.